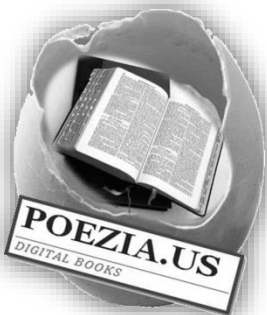

МИХАИЛ СИНЕЛЬНИКОВ

К НЕВИДИМОЙ ЦЕЛИ

СЕРИЯ: 135 СТИХОТВОРЕНИЙ

МИХАИЛ СИНЕЛЬНИКОВ

К НЕВИДИМОЙ ЦЕЛИ

Из стихов разных лет

POEZIA.US

CHICAGO

2023

Синельников, Михаил. К невидимой цели. Из стихов разных лет

Это книга Михаил Синельникова, замечательного поэта, литературоведа и переводчика, интересна тем, что автор предоставил на суд читателя 135 своих стихотворений, написанных в разные годы.

Почему сто тридцать пять? Это загадочное и в чем-то мистическое число выбрано благодаря его свойствам: сумма чисел этого числа, помноженная на их произведение, дает в итоге само число. Такого рода числа называются в математике числами Харшада. А еще $135 = 1^1 + 3^2 + 5^3$. Удивительно, не правда ли?

PRINTED IN THE UNITED STATES OF AMERICA

Toward an Invisible Destination

(A book of poetry in Russian) Authored by Mikhail Sinelnikov
7.25" x 9.5" (19.05 x 23.5 cm) Black & White on White paper
148 pages

©Copyright 2023 by POEZIA.US, Chicago, USA
All rights reserved.
Poems ©2023 by Mikhail Sinelnikov

ВСТРЕЧА

Не засижусь и не оставлю знака,
А постучусь и заявлюсь как есть.
Случайный гость, рассеянный зевака,
Я вам принес одну благую весть.

Но временами помнится и снится,
Что в детстве так бездумно-озорно
Я бросил в щель прогнившей половицы
Гранатовое твердое зерно.

Померкло солнце. Потускнели лица.
Но вижу я, не поднимая век, —
Древесный ствол шумит и шевелится.
И крышу дома трогает побег.

* * *

Лежу в траве. Росой омыта мята.
Чуть польхают сена вороха.
Огромным небом мягко пыль примята.
И облако в окладе лопуха.

Я вспоминаю детский угол зренья.
И, в мураве растаять норовя,
Осин осока будит подозренья
Ползущего по локтю муравья.

Полупустыня от ребра до паха.
Пока ползешь, быть может, жизнь пройдет.
И голубая грубая рубаха
Его глазам заменит небосвод.

КИРГИЗСКАЯ ОХОТА

Подбросило и брызнуло... И разом
От вздрогнувшей травы оторвало...
И солнца луч над медным волчьим глазом
Перекрывает беркута крыло.
Степной простор переполняет ропот.
Земля кружится и плашмя плывет.
И слышит мышь копыт дремотный топот.
Отдачу ружей ощущает крот.
Преображенный злобной хитрецою,
С морщинисто-базальтовым лицом
Идет охотник, пахнувший овцою.
И веет ветер прахом и свинцом.
И волк лежит, исполненный степенства,
Уже убит и росами омыт.
И скорой смерти скорбное блаженство
Течет в зрачках и мышцы шевелит.
Живую плоть переполняет пламя,
И труп горяч, пружинист и ребраст.
Но пахнет почвой, кровью и червями
Удушливо-одушевленный пласт.
Взойдет луна
Над областью обширной,
И тень волчицы прибежит сюда
Дышать землей утяжеленно-жирной.
Выть на луну. И сторожить стада.

ТОПРАК-КАЛЕ — КРЕПОСТЬ ПРАХА

Гюльсаре Афиджановой

Не знаю слов мертвей, чем тюркское т о п р а к.
То — прах и праха прах, и срока срок и время.
Скелета конского распавшийся чепрак,
Расколотой стрелой простреленное стремя.

Над этой башней дым и черный чад над той...
И пепел, и чума вливаются с Востока.
Под синей белизной и алой чернотой
Клубится горизонт, как исполненье срока.

Копыто на весу, и дышит тетива,
И медленно горит на всаднике рубаха.
Но быстро шелестит веселая трава.
И слышно в свисте стрел похрустыванье праха.

...Подобен крепости холмистый небосвод.
Подобны облака набегу амазонок.
И пляшет ящериц зеленый хоровод.
И змеи медные вращаются спросонок.

Безмолвствует ковыль и пыли знойный пыл.
И по песку песок течет тепло и глухо.
На восьмислойный холм доить своих кобыл
Приходит с правнучкой столетняя старуха.

Плывет большой табун, и лава табуна
Ей кажется с холма волною многоногой.
Упала высота, исчезла глубина,
И стали тишиной и плоскостью отлогой.

И в старческих зрачках, как сорок ясных лун,
Пылают лошади, лиловые, как горы.
И слушает трава, и слушает табун
Хозяйки вековой немые разговоры.

— Я отзвук и топрак. О вечность, я — твоя!
Свершился некий час, и вечер на исходе.
Я — атомов песок и кожи чешуя.
И смерти страшный лик с моим немного сходен.

Продумав эту речь, она уходит в сон,
И черпает песок ладонями своими.
И каплей молока горячий склон пронзен.
Мгновенье замерло. Живут рука и вымя.

...И дети пьют кумыс. И дышится легко.
И льются в землю жир и жизни жидкий трепет.
И слаще с каждым днем и мед и молоко.
И холод лепестков и розы жаркий лепет.

Вода из недр земли выходит, как слеза.
И торжествует дерн в расселинах надгробья,
И бабы каменной лазурные глаза
Заглядывают вдаль и грезят исподлобья.

СОН ШЕЛКОПРЯДА

Стать бабочкой ночной, прожорливой и жирной,
Так сладко, наугад блуждая под луной.
Но сводят с высоты бессонницы эфирной
Три километра сна, застывшие слюной.

Так уходила в сон бесстрастный и чудесный
Безбрежная страна, склоняясь над тобой.
О шелковичный червь! Отчизны Поднебесной
Ты помнишь небосвод надмирно-голубой.

Скользили в темноте сквозных оттенков тени,
Но солнечным лучом по золоту стекла
Переливалась нить певучих сновидений,
Струилась в челноке и в новый век текла.

Бывало, крыльев тень, чуть-чуть голубовата,
Мерцала, как луна, блуждая под луной...
Не размотать крылом сковавшие, как вата,
Три километра сна, застывшие слюной.

Вновь совершается твоя метаморфоза.
Приснится ли тебе в лазури жарких грез,
О шелковичный червь, в бреду мета психоза,
Какой-то зимний лес и музыка берез?

Округлая душа, бесплотная монада,
Услышишь ли хоть раз в потоке облаков
Сто тысяч веретен ночного комбината,
И грохот, и разгул, и влажный шум шелков?

Но бабочка парит, свежа, голубовата,
Снежинку на весу, как тень свою, ловя.
И весело плывут на крыльях шелкопряда
Лиловые глаза воскресшего червя.

Но вот она висит, касаясь горизонта,
В шумящий шелк небес почти погружена...
Но рощи тутовой чернильно-черный контур
Притягивает вновь и сводит в область сна.

И тутовый листок потерянного рая
Сжимает ржавых жил пружинистую медь.
И, наготу земли на миг приоткрывая,
Взмывает в синеву, не в силах умереть.

КОЧЕВНИК

Воды вечерних снегов льются по руслу клинка,
Светлая чернь обливает реки серебро.
Прямо передо мной каменные облака.
А над моей головой воздушные горы стоят.

Облако постоит и отдохнет душой,
Ударит копытом конь, всадник плетью махнет.
Маленькая река тронется в путь большой,
Волны рысью пойдут, горы двинутся вскачь.

На середине реки конь поглядит назад.
На середине реки всадник сойдет с коня.
Только прошедший час, только вчерашний взгляд,
Не пригибаясь в седле, в завтрашний день спешат.

Красный завтрашний день встает на краю земли,
Но поднебесный круг беркут окинул крылом.
Кони мои вдали, волны давно прошли,
И облака миновали уже перевал.

Вижу свое лицо сорок лет спустя.
Машет седой бородой морщинистая вода.
Мой шестилетний внук стадо гонит, свистя.
Сорок тысяч овец пойдут своим путем...

Овцы стоя спят, реки идут вспять.
Снова я в первый раз на своем скакуне скачу.
За семьдесят лет назад вижу себя опять.
Неба синий кусок зубами хватает конь.

Встретились и разошлись, и понеслись берега.
И врассыпную бегут ель, орех, барбарис,
С визгом летит река, как аламан-байга,
Воющая волна падает вниз головой.

Сносит вода на скаку сорок пудовых камней.
Вижу свое лицо на потном конском боку.
На розово-золотых, на гладких спинах коней
Синее небо, высокое небо плывет.

Снова тверда рука, огненный глаз остер,
Вижу — за триста верст искрой упала звезда.
Мечется в черноте — красный медведь-костер,
И шевелится, рыча, мохнатая шкура огня.

Вот я дремлю на скале, рядом заснула скала.
В небо впадает река, небо по водам идет.
И на одном берегу ищет добычи пчела,
А на другом берегу дикая вишня цветет.

ВОДА

Елена Анатольевна вошла
В наш дом из Атбасара. Было лето.
Чуть видятся рука и сигарета
Там — за стеклом немывтым. Из угла
Сенатора седеющая дочь
Смотрела зло и, говоря о Прусте,
Оглядывала помидоры в дусте
И всю усадьбу. Сияясь ей помочь,
Родители устали. В тучах пыли
Сады цвели и так плодоносили,
Что персики стучали день и ночь.
И никакой заботы. Почвы слой
Взломается, чуть прикоснись лопатой.
А небо над аллаховой землей
Все розовело на заре покатой.
И все текло, как лопнувший арбуз,
И проливалось медом в полнолуние...
Был страшен профиль сгорбленной колдуньи,
Янтарь зубов и выщербленных бус.
Порой она при всем честном народе
Хулила власти города, но вдруг,
Решив хозяйству посвятить досуг,
Сажала орхидеи в огороде.
А после — их выдергивать летело
Разгневанное ласточкино тело...
Но чаще на арык она глядела,
Где из газеты сделанный корабль
Топил, спасая, мальчик-мизерабль.
С особою совсем иного ранга
Мы подружились на краю земли.
Но грохотали тополя-туранга,
Урюки осыпались и текли.
И шла вода. С Холодного Ключа
Широкими толчками. Из Китая.
Как волосы, волокна расплетая,
Кирпичней чая, глухо болбоча.

И слышалось так много голосов
В каракуле ореховых лесов,
И в лисьих шапках ехали киргизы,
Довольны жизнью и румяно-сизы...
И на Монмартр открытое окно
Зачем-то вспоминалось. Ветер свежий,
И запахи цветочные — все те же,
Как в час, когда, накинув кимоно,
Входило тело в гулкий душ отеля.
Меж тем душа, шепча слова Клоделя,
Раскидывала легкие крыла.
Вода шумела, хлюпала и шла.
И пел в соседнем номере Карузо.
Все выше, выше... Как халат с плеча,
Звенящей жизни падала обуза.
«Санта-Лючия»... И вода, урча...

ЕВРЕЙКА

Еврейка смеется в ночном ресторане,
Бокал за высокое горло берет.
Слова осужденья сурово чеканя,
Надменно кривится опасливый рот.

И молча — так осенью смотрит волчица —
Взирает с бесстрастной тоской, свысока...
Улыбчивый камень на пальце лучится,
И веет духами в чаду кабака.

Что мне этот взгляд, недреманно и сонно
Скользнувший по зыби вселенского зла,
Широкие бедра шинка и Сиона,
Лоза вертограда, Треблинки зола?

Лазутчицы четкость и желчь секретарши...
Заносчиво курит, приветливо ест.
Зачем же мне грезится жезл патриарший,
Пылающий куст и чернеющий крест?

Немые молитвы о нищенской манне,
Века и кружение душное толп.
Ведь мы заблудились. И что там в тумане —
Телец золотой или огненный столп?!

СОБАКА

Собака уличной была,
Там что-то ела и пила,
В грязи спала, щенков забыла...
Глядит из темного угла
И благодарно, и уныло.

Заварен нюх и слух ослаб,
И не отмоешь этой псины.
И прав Гомер: тот духом раб,
Кто ведал рабство день единый!

И унижения печаль
Юлит и лижет мне ладони.
Низка. И все же было б жаль
Увидеть мне ее в фургоне.

Но крючник не придет, о нет
За этим космосом бродячим.
Дадут и номер, и билет,
Ошейник есть, налог уплачен...

Зачем я молодость сгубил?
Зачем я этой жизнью жил?
Я дальше вытянуть смогу ли,
Когда уносят жизни пыл
Пеленки, кошки и кастрюли?!

Я вижу юность, синий май,
И вспоминаю почему-то
Глухой пустырь и хриплый лай
Из Павловского института.

РИКША

Поскольку, разменяв мечту,
Я только улицу мету
У маленького храма,
Я вижу дно людской реки,
Босые ноги, каблуки
И рикши красные плевки,
Летающие упрямо.

Он знает, городом больной,
И жизни жар, и смерти зной.
И, словно бы в угаре,
Он убегает в мир иной,
И реет за его спиной
Богиня в синем сари!

Что смерти дым и жизни мгла,
Пока тележка тяжела!
И ночь, волнуясь, протекла,
И день струится сизо,
И сам хочу сквозь быстроту
Две эти палки на лету
Схватить и с бетелем во рту
Бежать в живую пустоту
За пригоршнею риса.

ЛЕРМОНТОВ

Майе Луговской

Лермонтов в рыжей овчине,
В ментике и в сюртуке,
В вечном поручичьем чине,
С шашкой в короткой руке.

Резать чеченцев готовый,
С дамами плоско шутить,
Брежжущий в прозе почтовой
И не желающий жить.

Вот он—в скрипучей телеге,
На дребезжащей арбе,
В светской беседе, в набеге,
В льющемся небе, в судьбе.

В плавнях туманных Тамани,
В нимбах Крестовой горы,
В Библии или в Коране,
В ровном кипеньи Куры.

В желтых своих эполетах,
С комьями крови в горсти,
В крупных пробелах, просветах,
В звездах на Млечном пути.

ПАМЯТИ РОДИТЕЛЕЙ

Старение империи совпало
Со старостью родителей... В те дни
Среди берегового краснотала
Бродили, взявшись за руки, они.
Совсем седые шли от сада к саду.
И Петроград, и первые года,
Все пятилетки, молодость, блокаду
Сносила в ночь арычная вода.
Да, в Азии, довольно, впрочем, средней,
Пришлось дожить, от прошлого вдали...
И это был их разговор последний
О мальчишке, который полон бредней
И резок и оторван от земли.

Теперь их вечер, горькая отрада
Прогулок поздних стали милы мне...
И это было время листопада
И Книги Царств, открытой в тишине.

АННА КУКУШКИНА

«Анна Кукушкина» был пароход,
Ходил по Оке.
Плещет, гуляет, кукует, гудёт...
Гул вдалеке.

Эта Кукушкина тетка была
Бабки моей.
Вновь поднимаются колокола
Старых церквей.

Кто я, откуда? Стою, как слепой,
В мареве смут...
Колокол грянет — пестрой толпой
Все оживут.

Хищный кочевник, верткий шинкарь,
Жук от сохи,
Жар пепелища, чадная гарь,
Кровь и грехи.

Жмых, продрозверстка, озимь, трава,
Нэп, умолот...
Нет, не устану черпать слова
В топи болот.

Все расплывается в повести лет
Памятью зим.
Выпить ли яду, купить ли билет
В Ерусалим...

Сплю в самолете, стою под стрехой
Волей судьбы,
Ноздри мне колет кислый, сухой
Запах избы.

ОТЕЛЬ «БРИСТОЛЬ»

Снятся в нем перепончатокрылые духи,
Эти выползшие из трясины старухи
С пузырями на жабьих губах...
Он пропитан, пропах
Старым Индокитаем, бессонницей, пылью,
Благовонной какой-то недоброю гнилью,
Крысой, спать не дававшей всю ночь...
Весь — больной,
Здесь доволен ты жизнью жалкой.
Погонявшись за крысой с бамбуковой палкой,
Путешественник, знай,
Что записан стеной
Разговор о Мане и Ренане на смеси
Аннамитского с нижегородским, и в стрессе
Этот строгий Ханой.
Откровенничал с этим двурушником Кханем...
И глядят из угла
Телефоны пудовые с хриплым дыханьем
Местной госбезопасности.
Липкая мгла.

Раздирая скрежещущие жалюзи,
Выйдешь ты на балкон и увидишь — в грязи
Пробудились летучие рикши и кули,
Тянут руки к тебе в набегающем гуле.
Эти люди — в беде.
Если спустишься к ним...
О пройдем проведав,
Церемонное треньканье велосипедов
Обтечет отовсюду, обступит везде.
Год назад здесь лежали на улицах трупы,
Но прошла перестройка. Преступные группы.
Много, риса, товаров...
Но кто ты и где?

Дым харчевни... И нищего гонят взашей,
Дети в карты играют,
И в черном крестьянки
С узких плеч опускают узлы и вязанки,
Чтобы парами сесть и вычесывать вшей.

БЕЖЕНЦЫ

Средь беженцев не видно Иисуса.
Велеречив премудрый Соломон,
Лицо Давида смуглое безусо,
Свою звезду на шее носит он.

Мерещится, когда ватагой всею
Из-за стола прощального встают,
Суровое подобье Моисея,
Самсон, Иаков, несколько Иуд.

Средь этих лиц — Юдифи лик орлиный,
Эсфири нежный сумеречный свет,
Заломленные руки Магдалины,
Рахиль и Лия. Лишь Марии нет.

ТОЛСТОЙ

Розовые, бледно-голубые
Томики Плутарха в сундуке...
Кровь войны увидевший впервые,
На войну он едет налегке.

До заката тянется каруца
По степи молдавской в знойный день.
Вот поют цыгане и смеются,
И читать, и думать стало лень.

Моря плеск и слово Фемистокла
В синеве проносятся над ним.
Но сегодня Греция поблекла,
Потускнел Египет, выцвел Рим.

Через годы выплывут в тумане
Только степь и неба благодать...
Пушки на Малаховом кургане,
Огрызаясь, будут грохотать.

Сладко, сладко низвергать Шекспира,
Презирать и Цезаря, и Пирра
Всем наперекор и невпопад.
Впереди — завоеванье мира,
«Рубка леса», жизнь, «Хаджи-Мурат».

ВОСТОЧНАЯ МОСКВА

Москвы восточной ветер летний,
Неосязаемо-сквозной,
И в этом ветре все заметней
Дыханье Азии родной.

Гул азиатчины родимой,
Речной и лиственной молвы,
Тот ветровей, который мимо
Восточной не пройдет Москвы.

Вздохнешь — и весь перед глазами,
И весь — как радужный туман,
Путь до Ташкента и Казани,
От этих чайных до чайхан.

Где жизни красочный излишек,
Где чайники и кренделя?
Лишь некий дух в толпе домишек
Блуждает, ветви шевеля.

В душе ношу его?.. Наверяд ли...
Не в силах выразить... Но здесь
Понятней Хлебников и Татлин
И все, что с нами стало днесь.

Свет облаков аляповатых,
Сирень в цвету — не разглядишь
Мглу балаганов и палаток,
Футуристических афиш.

Мир обреченный и нетленный,
С моей душой сгори дотла!
Ты в небо незапечатленной,
Русь Уходящая, ушла!

МЫС ХАМЕЛЕОН

Солнечным прикинулся и милым
Мрачный кряж, хамелеон и лгун.
Повела тропинка к Фермопилам
Вдоль японских отмелей и дюн.
Вот он вновь, задымлен и обветрен,
Стал фиордом, скрылся за дождем,
Ибо мы с голубоглазой Кэтрин,
Говоря о Гамсуне, идем.
Мало жил жених ее норвежец,
Многое умевший...Например:
Гонщик, живописец, конькобежец,
Алкоголик и миллионер.
Год назад сгоревший в авторалли,
Вновь горит он оттого, что мы
Жизнь свою друг другу повторяли,
Восходя на лживые холмы.

Что еще всплывет из переката
Голубых столкнувшихся пустынь?
Мак цветет, благоухает мята,
Слабо пахнет поздняя полынь.

ШВЕЯ

Там всюду образцы и выкройки лежали
И прыгали клубки.
Казались тяжелы от счастья и печали,
А в памяти легки.

Как, расшвыряв шитье, шампанское мы пили!
Не уставали пить...
Вдруг распустила ты все то, что мы любили,
Перекусивши нить.

Когда в манто до пят с атласным псом в камзоле
Пересекаешь луг,
Где эти выкройки, уколы, промельк моли,
Где эта комната? И вдруг

Всю нашу жизнь вдохнешь, и всю одновременно:
Мгла, за окном — снега,
Мой диковатый взгляд, и вата манекена,
И запах утюга.

СЕМИРЕЧЬЕ

Ржавое, седое Семиречье,
Где, как жизнь, тягуче-тяжело
В женщинах покорное, овечье,
Умиротворенное тепло.

Словно крылья сломленные птички,
Длинных платьев льются рукава,
Пленное и нежное величье
Осенила неба синева.

Как пустыня тянется к пустыне,
Эти лица сблизиться хотят,
И столпами сходит воздух синий
На страну скитаний и утрат.

На страну, которой нет предела —
И в зарю вливается заря, —
На страну, где время пролетело,
Иссушая души и моря.

С жаждою ее неутолимой
Я стою в пустыне, глядя вслед
Поездам, всегда спешащим мимо
Безглагольных горестей и лет.

ЛАВКА

Лавка по дороге в Агру. Девочка гранатным оком
Строго держит под присмотром серебро и бирюзу.
Кожа — ветошь. Но хозяин в изумлении высоком
Говорит: «Я шью из кожи, боги делают козу!»

Эти жилистые руки стали пеплом, вероятно.
Дочка дочери торгует. Боги едут на арбе...
Снова, наплывая, стонут Индии цветные пятна —
Жизнь, окинутая тканью мысли тайной о тебе.

Потому, что это чувство как-то с Индией совпало,
Пыль дорожную застлало, и — пылает впереди
Под глубокой красной аркой призрак белый Тадж-Махала,
Возносящегося в небо и стоящего в груди.

ВО ФРАНЦИИ

Собор в тревожном, темном блеске,
Река и свежий ветровой,
И зеленеющие всплески
Пьянящих листьев и ветвей.
Дух избавленья от обузы,
Все под хмельком, навеселе
В кафе, где мелкие французы
Сидят с бутылкой божоле.
Блондинка курит сигаретку,
Бледна и цепко-холодна.
Я засмотрелся на брюнетку,
И оживляется она,
Прислушиваясь к разговору,
Ловя славянские слова...

Зной через год и в эту пору.
Дорога. Рослая трава.
Заволжские пустые села...
Вдруг, выплывая, как в дыму,
Улыбка живости веселой
Ответит взгляду моему.

ПРОСВЕТ

Длится жизнь, оскверненная ложью,
Низкой прозой, но, боже ты мой,
Осененная лиственной дрожью,
Драгоценной морской синевою!

И поистине всюду со мною —
В дальней зелени синий просвет,
Вечно веющий свежей волною,
Глубиной убегающих лет.

ШУХРАТ

Есть кому мне письмо написать в Самарканд:
Андижанская улица, 3.
Самодельный философ, мудрец-дилетант,
Здравствуй, старый Шухрат, не умри!
Купола, купола в невозможной красе
Ты увидишь, в окно поглядев.
Там столетье назад собрались в медресе
И Толстого прочли нараспев.
Тает прах эмирата в имперской пыли
И в степи шелестит бересклет.
Мы с тобою лишь в юности день провели,
Только письма летят сорок лет!
Мы расстались в конце полноцветных времен,
Я уже не вернусь — не ворчи!
...Только вижу урючин покорный поклон,
Величавые карагачи.
Вижу я изразцов раскаленную синь,
И седеет бурьян и не дышит полынь,
Льется вязи арабской струя,
И в груди поднимается ветер пустынь
И уходит на круги своя.

ВАГАНЬКОВСКОЕ АРМЯНСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Пустынный вечер отливает рдяным.
На кладбище армянское вхожу.
Всегда неравнодушен был к армянам.
...Я вижу зелень в скалах над Севаном
И стадо, обреченное ножу.

Гегарта мощь и гул пещерных залов,
Гранитные надгробья и гроба...
А вот и здесь — врачей и генералов
Суровый тес, искусная резьба.

Сюда вы шли по всем дорогам горным,
Навек оставив посох или плуг!
Но это имя... Золотом на черном:
«АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ» полыхнуло вдруг.

Конечно, нет, он не был армянином,
Другого места, видно, не нашлось.
Он рядом спит с туберкулезным сыном,
И деревца растут и вкривь, и вкось.

Такая жизнь, такая им планида...
О, не случайно в той слились глуши
Земля Москвы, и горечь геноцида,
И смутный жар клубящейся души!

ДЖУМА МАСДЖИД

— Мир тебе, пришелец из Багдада!
Эта жизнь недолговечней дня,
Ты дошел, и ничего не надо,
В старом Дели — та же толкотня.
Жалоба все та же хоровая,
И глядят, незрячие, в зенит,
И ликуя, и околевая,
Дистрофия, сифилис, рахит.
Продают здесь финики из Мекки,
И душа торговая скупа,
А вдали чернеют человеки —
Идолопоклонников толпа.
Столько в сердце радости и страха,
Ибо сердце взяли навсегда
Горький гомон, славящий Аллаха,
Омовенья сладкая вода!
Пролетает веянье проказы,
И тебе подмигивает вдруг
Бытия кусок веселоглазый,
Цепкий и родившийся без рук.

* * *

Холодное царство Плутона,
Дрянная планета его,
Чернеет в глуши небосклона,
Там нет для меня ничего.

И вот — воплощенье какое
В земном первородном тепле!
Прожил — не нашел я покоя,
Пройдя по зеленой Земле.

Куда же, насытившись бурей,
Душа полетит в тишине?
Быть может, на желтый Меркурий,
Немеркнувший в вечном огне.

САМСОН

Как хороша коварная Далила!
Я филистимским шилом ослеплен,
Но поклянусь, она больней сепила,
С тугого тела сбрасывая лен.

Среди блудниц, возвращенных Палестиной,
Поистине она прекрасней всех...
Врага громивший челюстью ослиной,
Теперь приму презрение и смех.

Теперь, унижен, наскоро пострижен,
Цепь волочу и пропадаю тут,
И прикасаюсь к выступам булыжин,
И чувствую, как волосы растут.

МУЗЫКА

Старик араб, на праотца похожий,
Пугая синевою глазных орбит,
Беззубым смехом и нечистой кожей,
Струну тугую важно теребит.

Дрожит струна, натужно так заплакав
Из глубины степных бессчетных лет,
Где слышал эту музыку Иаков,
Внимали ей Христос и Мухаммед.

Стареет мир, и чудится все чаще
Призывная архангела труба,
Но этот звук томительно-живящий —
Как молоко, как детство и судьба.

ЗЕРКАЛО

Вот — зеркало... Напрасны шум и ярость.
Но это понимаешь под конец,
Лишь в старости постичь умеешь старость,
И я не знал, что думает отец.
Он вдруг увидел маску Гиппократата...
Не то чтоб смерть оплакивал свою —
Его моя печалила утрата
И наблюдал он, стоя на краю
Тех областей, откуда нет возврата,
Как я сейчас у зеркала стою.

* * *

Слишком четко мирозданье черствое,
Но течет, струит иные истины,
Сладким тленьем с ним противоборствуя,
Индии дымок инобытийственный.
Индия — как дума умирающего,
Смесь былого с примесью грядущего,
Смутно возникающего, тающего
И несуществующе-живущего.

В ДЕЛИЙСКОЙ МЕЧЕТИ

Эльзаду Иззаддасту

Как мала и малость кособока,
В сохлые зарыта лепестки
Правая сандалия Пророка,
А остатки левой далеки!
Долговечно пальмовое лыко,
Сносу нет сплетеньям и узлам.
Нет, не хочет ни лица, ни лица,
Но свою святыню чтит ислам.
Груз неисчислимых караванов
Тамерлану отдан за нее,
И паломник, умиленно глянув,
Плачет и впадает в забытье.
Долог миг и ряд столетий краток,
И на сером камне все они
Закрепили узкий отпечаток
Удлиненно-девичьей ступни.

* * *

Радостным обезьянам,
Вьющимся по холмам,
За подаяньем пряным
Время спуститься в храм.
Там твоему подобью
Молятся сотни каст,
Бьют барабаны дробью...
Кто же тебе подаст?
Может быть, всюду — боги,
Может быть, божество —
Голое на дороге...
Как распознать его?
Вечно плетется нищий,
Вечно на взмах руки,
Тявкая, мчатся к пище
Брошенные щенки.
Божьим и человеческим
Ранит и лечит здесь
Жалости с бессердечьем
Вечно живая смесь.

* * *

Думая о воплощеньи,
Как я избрал, не пойму,
В этом своем возвращеньи
Азии пыльную тьму.

В цепкой блокадной метели
Высмотрел мать и отца,
Чтобы они улетели
В царство овцы и волчца.

Выучил эти названья,
Вызвал пустынь сухостей,
Выбрал страну обитанья
В мысли бессонной твоей.

Выбрал богатство закатов,
Долгих прощаний года...
Надо бы, все запечатав,
Не возвращаться туда!

Все остальное — в склоненных
Толпах, усталых на вид,
В свитках Эхила, в колоннах
И остриях пирамид.

СКОРПИОН

Злосчастный сгусток страха и гордыни,
Колеблющийся, скрюченный, витой,
Я — скорпион, живущий в дряхлой глине,
Среди соломы сонно-золотой.

Оцепеневший над строкой латыни
И взятый небом осени пустой,
Чтобы моря и тусклые пустыни
Я озарил тоскующей мечтой.

Когда огни, когда ночные крики
Качаются, и тени многолики,
И пламя лижет потолочный брус, —

Тугим хвостом грозя и помавая,
Бегу и прячусь. Но в начале мая
Смертелен мой бесчувственный укус.

* * *

Когда душа единственная в мире
Глядится в отражение свое,
Всегда один соблазн в пустой квартире —
Как в зеркало войти в небытие.

Скорей увидеть близнеца, с которым
Расстались мы на столько долгих лет...
Моя душа зеркальным коридором
К нему пойдет на слишком яркий свет.

ДЕРЕВЕНСКАЯ ПРОЗА

Е.Евтушенко

Перфильев, деревенский дядя,
Не стар, но выщерблен и сед,
Ружьишко ветхое наладя,
Чирков добыл нам на обед.
За стопкой стопка. Будто рану
Приобнажая, стал он пьян.
О власти говорил он спьяну
И грубо хаял горожан.
В сиротстве мать росла когда-то
Вон тут и лет как будто в шесть
Мечтала: «Стану я богата,
Одну картошку буду есть!»
Пожалуй, были ей не рады.
И не простить, как ты ни взвесь,
Что жизнь за вычетом блокады
Прошла привольнее, чем здесь.
Мы вышли, не промедлив часа.
Чуть-чуть осенним воздух был
И запах яблочного Спаса
Слегка печалил и пьянил.
Мы долго ехали в телеге,
Колосья гнулись до земли,
И в учающемся беге
Большие годы протекли.
Лишь в дреме чудится устало
Подлесок в траченной парче,
Иль вспомню вновь, как мать рыдала
У старой тетки на плече.

КЛЮЕВ

В одной стране, отдельно взятой,
Где среди затерянных земель
Взывала дудка азиата
И пела русская свирель,
Явиться со своим уставом
В столицах, призрачных, как дым,
Певцом и странником лукавым,
И многогрешным, и святым.
Познавши всё, противясь тлену,
Не в силах Ницше перечесть
И земно кланяясь Верлену,
Стоглав и Палех предпочесть.
Словами, давними, как Рюрик,
Насытить ту цветную ткань,
Где веет сутеменью сурик
И плещет зеленью елань.
Мечты Ирана и Китая
Сроднить с околицей села,
Меж тем, как жатва золотая,
Как чаша смертная пошла.
Но до последнего предела,
Где неминучий вскинут меч,
Еще душа не оскудела,
Не умерла родная речь...

Какая жизнь, какая участь –
Её моря рассечь веслом,
Её цветущую певучесть
Облечь в кладбищенский псалом!
Брести к небесному притину,
Одолевая песней страх,
Рядя писанья в пестрядину
Крестьянских стираных рубах.

РАДОНИЦА

Радоница. Ветер слабый
И поют колокола.
Ты не вспомнить не могла бы.
Здравствуй, здравствуй, ты пришла!

Ничего не произносишь.
Что же там, в твоей стране?
Ни о чем меня не спросишь,
Всё ты знаешь обо мне.

Смотришь нежно и сурово
На мелькнувшие года,
И несказанное слово
Между нами навсегда.

ЕЛЕНА

Шла через лес, наклоняясь и плача,
Снегом умывшись, бежала и шла.
Чья-то дремучая брезжила дача,
В соснах светилась и веяла мгла.

Стыла дорога сквозь слёзы к оврагу,
Где подо льдом цепенела вода,
И, отвечая поспешному шагу,
Сосны шумели и мчались года.

Путь выводил по скрипучему снегу
К чаю горячему и – в пустоту,
К браку, ребенку, а после - к побегу,
К пышному ранчо и Ницце в цвету.

В гул вернисажей, к огням, Голливуду,
К стрекоту камер, пыланью под блиц.
Словно торнадо, летел отовсюду
Радостный вихрь набегающих лиц.

Здесь же - струение снега и дыма,
В соснах сиянье, в груди колотьё.
Каркают птицы. Тропа невреждена...
Не позабыть эти слёзы её.

ДРЕЗДЕН

Л.Руденко

О, Дрезден, королевец древний,
Дрозда славянского гнездовье,
Ты ведал гул железных певней
И на руинах горе вдовье!

Теперь орган сменяют суры,
И утекают постепенно
С улыбкой фройляйн белокурой
Речная зыбь, пивная пена.

Как будто просится на отдых
И тонет дряхлая Европа
В своих грехах и сточных водах,
Вся - ожидание Потопа.

Так небеса сегодня серы,
Как будто выцвели, старея.
Так мало здесь осталось веры,
И – только в этой галерее!

Там веет высью голубою
И синева твоя бездонна,
Покуда твёрдою стопою
Стоит на облаке Мадонна.

ТЮРКСКИЙ МИР

О, тюркский мир, ты прокатился комом
По волчьим и охотничьим следам,
По всем степям - родным и незнакомым,
По воинствам, державам, городам!

Пришел к морям от вольных бездорожий
И, поглощая племена Земли,
Презрел божков, услышал голос Божий
И с лошадей вступил на корабли.

Ты вскинул к Солнцу вечные мечети
И красоту в гаремах затворил;
От матерей оторванные дети
Несли народам твой свирепый пыл...

Но в час, когда жара течёт по рынку,
Ты видишь сон: рассвет и угольки
И пастушонок, дующий в тростинку,
На берегу неведомой реки.

СПОР

Афины спорят с Иерусалимом...
- Апостол Павел, где ты? Отзовись!
К дорогам пыльным и неопалимым
Стеклась твоя сияющая высь.

Вступая в храм Неведомого Бога,
Ты говорил, что стали мы одним,
Взывал к народам, стоя у порога.
Но этот с теми несоединим.

То злая сила молодой оливы,
То состраданье пальмы вековой,
То ионийской лиры переливы,
То книжников неколебимый вой.

То теплота семейственного быта,
То плеск морской, бездомной синевы,
То тетрадрахма кровная гоплита,
То лепта неприметная вдовы.

То эллинская дерзкая идея
К мерцающему космосу вспорхнет,
То остановит Солнце Иудея
И времени преобразует ход.

Они всегда в своём единстве мнимом,
Они везде, хоть Землю обойди!
Афины спорят с Иерусалимом
В людской толпе и в буре, и в груди.
УР

Шестьдесят три метра – древность Ура,
Равен веку метр в земле сухой...
Вот феллахи после перекура
Раскопали и последний слой.

Там, внизу, в шестидесятом круге,-
Женский череп в золотом венце,
И лежат придворные и слуги,
Прахом породненные в конце.

Много выше, и на середине,
Где раскопки были нележки, -
Слой Потопа - и в лиловой глине –
Остовы ковчегов и куски.

То, что рынком было, или храмом,
Покрывают пыли вороха...
Вот – божков, разбитых Авраамом,
Розовая, грубая труха.

Ничего под пеплом не поблекло,
Медленно является на свет,
Поднимаясь в нынешнее пекло
С клинописью глиняных галет.

... Так в душе копаюсь я упорно,
Узнавая облик и число,
Вырывая черепки и зерна
Из всего, что жизнью нанесло.

* * *

Этот привкус ее сладковатый,
Нежный запах забывшейся мглы,
Воздух тленья, текущий от статуй,
Где бессмертные плиты теплы.

Он и в храмах, и в лавках, и в рощах,
И в пыли безысходных дорог,
И в лачугах отшельников тощих, -
Оплетающий мысли дымок.

Если здесь умереть удалось бы,
Отлететь от всего своего
И, вбирая молящихся просьбы,
Навсегда превратиться в него!

СОН

Никогда не кончается каменный сон
В мировой пустоте золотой,
И танцовщица мечется между колонн
И сливается с этой и с той.

Это льются небесного Ганга струи,
Это струны ситара снуют,
Это длятся несметные жизни мои,
Обретая минутный приют.

Снова пляшущий идол, безумен и гол,
Налетит на студёную Русь...
Уходя от себя, далеко я забрёл,
И не знаю, когда я вернусь.

ФЛОРА

Всё постыло совокупно,
Всюду сделалось давно
Сокровенное доступно,
Благородное смешно.

Но осталась мне отрада
Выше сладостей и нег –
Слабый листик винограда,
Тонкий ивовый побег.

Вижу я – забыть не в силах -
Светоч вишни детских лет
И опавший на могилах
Нежной жимолости цвет.

Что же стоят наши споры!
Жизнь мила и в поздний час
Перед входом в царство флоры,
Принимающее нас.

АРЫК

Все будут жить, старея постепенно,
Меня припоминая иногда.
Но я о том, как благодатна пена,
Как хороша бегущая вода!

Сбивая с ног, меня уже сносило
Туда, где проплывают облака,
Но вдруг спасла неистовая сила,
Схватила материнская рука.

А мельница ходила водяная
И тупо грохотали жернова...
Старели б вы, меня совсем не зная,
Но прожил жизнь и уйду в слова.

МОНГОЛИЯ

Виктору Гофману

- Монголия, как темный морок,
Как дрема в долгом переезде –
В зубах драконьих каждый взгорок,
И - зоркий лёд твоих созвездий.

Твои лошадки, в легком беге
Топтавшие века и страны,
Твоя трава в прозрачном снеге,
Как тайна зыбкая нирваны.

Твои шатры, твои верблюды
С младенцами среди поклажи,
Рождённые улыбкой Будды
Несокрушимые миражи.

Сонливый путь по сопкам лысым
Туда, где чащи всё угрюмей,
И чаша тяжкая с кумысом,
Глубоких полная раздумий.

Взывают хрипло трубы храма,
Знакомые всплывают лица,
И в Шамбалу ушедший лама
Ко мне однажды возвратится.

И наконец порвутся нити
И упадут оковы плена,
И я очнусь ребёнком в свите
Последнего богдогэгэна.
ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Всё я мечтал, что знаменитым
С цветами в дом к тебе войду...
Вращаясь по своим орбитам,
Мы в трудном встретились году.

Я что-то приносил в больницу,
Для этой встречи позабыв
Всей жизни длинной, многолицей
Изнеможенье и порыв.

И вновь дарило тайной силой,
Всей этой жизни вопреки,
Прикосновенье детской, милой,
Теперь желтеющей руки.

* * *

Пойду по улице твоей,
И людной, и пустой,
На миг помолодев на ней,
Давно уже не той.

Я возле дома постою,
И глянет из окна,
Улыбку высветив твою,
Былого тишина.

Твой давний номер вспомнил я,
Но ровные гудки
Так долги из небытия,
А после коротки.

ЧУКОТКА

Фактория на Чукотке,
Суровые рубежи,
Матросов ночные ходки
И сумрачные моржи.

Лишь в августе снег растает,
Но оттепель недолга,
И снова снега взметает,
Гуляет в полях пурга.

Но в чуме, где лица плоски
И вечно грязны тела,
Дочь зека и эскимоски
Нечаянно расцвела.

Уехала в город южный
И, юность смутив мою,
Рассыпала смех жемчужный
В томимом жарой краю...

Любившую душ горячий
Четырнадцать раз на дню,
Я в памяти зыбкой прячу
И в сердце своём храню.

Мне чудится снег Чукотки...
Младенцу толкают в рот
То грудь, то бутылку водки
Родильницы тех широт.

Похмельного чукчи ласки,
Во льду пограничный пост,
Далёкий туман Аляски
И ясность полярных звезд.

Грохочут шаманов бубны
Средь девственной черноты,
И, крик издавая трубный,
Кончают с собой киты.

АРХОТИ

Пьющие в мертвой дремоте
Ночи густой темноту
Древние сакли Архоти,
Вещие травы в цвету.

Отпировали хевсуры
И погасили огни...
Грубых утесов фигуры
Бражникам грузным сродни.

Горные духи с похмелья
Бродят, не ведая сна
И половину ущелья
Заполонила Луна.

Здравствуй, нагая Диана!
Выхвачен властно из туч,
Словно стрела из колчана,
Тонкий, стремительный луч.

Золотом бледным и томным
Тускло горят светляки,
Плеском прохладно-бездомным
Веет от горной реки.

Этот языческий гомон
Годы не может истечь,
Всё подступает кругом он,
Переливается в речь.

ОЛЕГ

Давно распрощавшись с любимым конём,
Став злей и угрюмей,
Он мог только изредка вспомнить о нём
Средь бурь и раздумий.

Он ведал: вот здесь и придётся истлеть,
Оставив дружину,
В краю, где разбуженный воет медведь,
Грозя чужанину.

Повсюду лишь зелень и в ней синева,
Земля нелюдима.
Вода ключевая – как лепет волхва;
Ни дома, ни дыма.

Он ехал за данью. И, встретив жильё,
Указывал старым,
Чтоб мехом и медом платили её,
Как прежде хазарам.

Он холодно слушал и шорох раки
И пленниц рыданья,
Пытаясь понять, что потомку сулит
Страна без названья.

Когда-то он видел исландские мхи,
Царьградские деньги,
А вот и серёжка днепровской ольхи
Упала на Хельги.

МУЗЫ

Чтобы грозные шли эшелоны
По просторам спалённой земли,
В нескудеющий Фонд Оборона
Приношения музы несли.

И с улыбкой остались на фото,
Удаляясь в желтеющий дым,
И скрипач под крылом самолёта
И циркач перед танком своим.

Так терзанья актёрских усилий
И стихи, и симфоний надлом
Превращались в полёт эскадрилий,
В артиллерии длительный гром.

Вот в тяжелых предутренних росах –
Порубежный скосившие луг
Миномёты певцов стоголосых,
Пляс вприсядку и с вывертом рук.

* * *

Эти сгустки урана и платины граммы,
Золотые песчинки, комки, самородки,
Это – сила страны и параграф программы,
И негласный закон Колымы и Находки.

Пирожок премиальный и стужа Таймыра,
Тощих смертников дни, превращённые в тонны.
Это – доля твоя в покорении мира,
Это - капля судьбы в море боли бездонной.

То, что позже спустили, воссев на престоле,
Изымалось когда-то у бога и чёрта,
Чтобы грудой руды и подавленной воли
Пересилить тоску мирового комфорта.

ИМПРЕССИОНИЗМ

Памяти матери

Там, землю объемля всецело,
Синее была синева
И зелень сильней зеленела,
Поскольку была ты жива.

Бурьяна цветущие чащи
Меняли окраску свою,
Поскольку твой голос звенящий
В потерянном длился раю.

Так искрится старое лето,
Что я постигаю вполне,
Как цвет оживает от света
Под кистью Дега и Моне.

ЛАСТОЧКИ

Пищащие ласточки вновь прилетят
И, глянув на странниц,
Припомнишь таджички цветистый наряд
И вихорь-афганец.

Уже из-за Пянджа несёт веселей
Их ветер весенний
Над маревом маковых алых полей,
Над гулом сражений.

Тревожно щебечут и мёрзнут они
На злом Гиндукуше,
Спешат, пробиваясь сквозь льды и огни.
Как лёгкие души.

А в Индии вились над пищей богов,
Над рисовой кашей.
И что их влечёт в это царство снегов
И скудости нашей?

Но та, что гостила в бенгальских лесах,
Не знает ответа,
Гнездо оставляя в густых волосах
Немого аскета.

* * *

Поплыть ли наконец по свету,
Увидеть сызнова Бенгал
И у менял найти монету,
Что в прошлой жизни потерял?

Надтреснутая амальгама
Вдруг вспыхнет в лавке при дверях,
Чтоб отразились в ней Да Гама
И заблудившийся тверяк.

Всё те же боги смотрят с воза
На мчащиеся времена,
Всё так же отрочества грёза
Неугасима и сильна.

И смутным веяньем муссона
Мои дела осенены,
И в полусне рука бессонно
Большой касается волны.

НИКЕ САМОФРАКИЙСКАЯ

Отчего ты воздвиглась над входом в музей?
Чтобы сделать ненужным его.
После крыльев твоих там, на что ни глазей,
Всё обыденно или мертво.

В этих мраморных складках небрежных одежд
Дремлет ветер победы всегда.
Ты спасала, случалось, лишенных надежд,
Искалечена, зла и тверда.

Марафон, накрывая неистовством крыл,
Озарила твоя белизна,
Но и пепел крушенья, и прах Фермопил
Осенила незримо она.

Вдруг покажется, прожита жизнь до конца,
Но почудится блеск впереди...
Поражение моё, как и ты, без лица,
Но твой жар не остынет в груди!

АНТИЧНЫЙ ТЕАТР

Турецкий городок старинный.
Всего приметней и древней
Театра мощные руины,
Густое скопище камней.

Не воскрешенья Антигона,
Лишь погребенья у судеб
Молила здесь, вбежав с разгона
И в гуще лиц узрев Эреб.

Как всё же гибельна Эллада!
Игра страстей её сожгла...
Как нежит смертная прохлада
Её прекрасные тела!

Сам в призрачном античном хоре
Стою и слышу долгий вой –
И Ионическое море
Рыдает за моей спиной.

ПОМПЕЯ

Мрамор тёмен и задымлен,
Но в золе ещё сохранны
Скудный быт и роскошь римлян,
Их курортные романы.

В едком прахе, злом и тихом,
Гомон цирка, полдень виллы,
Где рабов кормили жмыхом
И не слышали сивиллы.

Так, доверившись фортуне
И любясь дивным морем.
Изверженья накануне
Тяжбы мы ведём и спорим.

И незримый скроет пеплум
Всё, что, рухнув бездыханно,
Пролежит в обнимку с пеплом,
Ожидая Винкельмана.

Жизни мелкие события
Быстротечной и лукавой
И любовников соитья,
Продлеваемые лавой.

* * *

На светловолосой - наряд голубой,
За долгие годы он сросся с тобой.

С твоей красотой воскресала душа...
И в белом, и в розовом ты хороша!

В зеленом, пьянящем горячей весной,
В оливковом, летний смягчающим зной.

Когда же надвинется пасмурный день,
Ты чёрное платье смиренно надень!

Чтоб тоньше и строже была красота
Потупленных взоров и скорбного рта.

* * *

Любовью легкой и нетленной
Ты в беге лет осенена,
Ни увяданьем, ни изменой
Не отягчается она.

Совместной жизни злая ноша
Нас не пригнула до земли,
И ветер, волосы ероша,
Колышет в море корабли.

Они плывут к тебе с востока,
И путеводная звезда
Мерцает в небе так далёко
И потому со мной всегда.

РЕКА

Извивы твои, изгибы
Увидел я вновь, река.
Клокочущей влаги глыбы
Ты гонишь издалека.

Так дышишь, толкая воды,
Что чудится, ты – во мне.
И что эти дни и годы,
Бегущие по волне!

Не важно уже, откуда,
Уже всё равно, куда,
Но кто – я, и что за чудо
Уносит твоя вода?

* * *

День и ночь корабль качала
Полноводная река
До последнего причала,
До степного огонька.

Длились дни, сменялись лица
Средь дорожной болтовни,
Но попутчики сродниться
Успевали в эти дни.

А теперь смурным и сирым,
Словно жить не вмоготу,
Ты последним пассажиром
Переходишь в темноту.

* * *

Когда очнёшься, больше не внимая
Всему, что жизнь с годами наплела,
Вблизи возникнет музыка немая,
Как ясный день, спокойна и светла.

Ты знаешь сам, как редки дни такие,
И жадно пьёшь, мгновеньем дорожа,
Забывтый звук нездешней литургии,
И вновь душа невинна и свежа.

Как далеки всегдашние заботы!
Без них судьба сбывается твоя,
Блаженствует, пройдя водовороты,
Ликует в жилах лёгкая струя.

Иное пенье в этот час постыло,
С тобой осталась в странствии твоём
Лишь эта песнь, что всё в себя вместила,
Отозвалась нечаянно во всём.

* * *

Караганда, Караганда! -
В твоём названье – из под спуда -
Не только стон звучал тогда,
Но и могучий зов оттуда.

Вседневный отгоняя страх,
Отцы трудились беспрестанно,
Чтоб выжить с мыслью о кострах
Норильска или Магадана.

Но так наивен был расчёт
И осторожность бесполезна –
К себе магически влечёт
Образовавшаяся бездна.

УРОКИ НЕМЕЦКОГО

“Über allen Gipfeln...»

J. W. Goethe

Немецкому учила Паулина.
Лицо в очках я вижу, как в пыли,
Но помню: перекатываясь длинно,
Её слова громоздкие текли.

И, жизнь спустя, не позабуду каждый
Мучительно спрягаемый глагол
И то, как с чувством в дом её однажды
Приезжих заблудившихся привёл.

Я понял позже: оттепель настала...
Как, обнимаясь, плакали они!
Увидел я в чаду среди развала
Свидание разрозненной родни.

Всё это стало азиатской пылью.
Вновь возвращаясь в жаркую страну,
Воды арычной зачерпну и вылью,
И ничего из детства не верну.

И всё ж не зря тетрадкам и пеналу
Достались годы тусклые подряд...
Мне чудится лачуга в Ильменау,
В саксонских соснах трепетный закат.

Тот выступ, где у путника седого
На крутизне дыхание свело,
И вечно блещут сладостное слово,
Печаль и олимпийское чело.

СТРЕЛА

Ю.А.З.

Учитель памятником стал
В своем победном лике,
И принесли на пьедестал
Увявшие гвоздики.

Хотя нашёл совсем не тот
И не второй, а третий,
Давно исчезнувший народ
В густых пластах столетий.

Но ты, работая, как вол,
Где слой сыпуч и топок,
Одну лишь истину обрёл
В пыли своих раскопок...

Я сам срезал холмов углы
В студенческую пору
И с наконечником стрелы
Летел по косогору.

И эта ржавая стрела
В суглинке Кызыл-Сая
До цели все-таки дошла,
Мою судьбу пронзая.

ПОДВЕСКА

Толкучий рынок в Тегеране,
Где в тусклом золоте горят
Рубина рубленные грани
И робко светится гранат.

В который раз они, сверкая,
Ушли от женского тепла,
Какая жизнь, нужда какая
Их на прилавок принесла?

Но что-то ведаёт подвеска,
В чьём почернелом серебре
Печаль рождается из блеска
И солнце кроется в чадре.

И вот уж пламенно и сизо
Мгла обступает облик твой,
И стих неистовый Хафиза
Над чашей ходит круговой.

И, как отчизны осязанье,
Где жили в прежние разы,
Я подарю тебе сказанье
Зеленоватой бирюзы.

ГОБИ

Являя в тысячах подобий
Дворцы, озёра, города,
Стоял мираж в пустыне Гоби,
Не уходивший никогда.

Но этот штиль на Море Жёлтом
И Средиземья синеву,
И степь я знал, и плыл, и шёл там,
Я это видел наяву.

Ни славы гул, ни блеск престола
Не привлекли меня, о, нет -
Лишь дивной жизнью Марко Поло
Я зачарован с детских лет.

И, если далека нирвана, -
Пусть повторится много раз,
Пустыня с цепью каравана,
Как неисчерпанный рассказ.

* * *

Из Дамаска в туманное Осло,
Из Гонконга в ночной Амстердам
Продвигаются эти ремёсла
И торговля идёт по пятам.

Где сожгли одержимую Жанну
И вели Галилея на суд,
Первосортную марихуану
Сенегальцы тебе принесут.

Что ж ты хочешь от Африки голой,
Если здесь не осталось легенд,
Если битвой за брак однополый
Завершились конклав и Конвент!

Мироздания рушатся на спор
И не стоят дальнейших мытарств,
И бессмертна лишь плесень диаспор
Посреди отцветающих царств.

ПРОЗА

В том номере, куда неловко
Вступил я робким понятым,
Тянулась чёткая диктовка
И оседал табачный дым.

Удавленник у батареи
Лежал, невзрачен, тощ и вял,
А следовательно всё бодрее
Черты и вещи называл.

Стакан недопитый, окурки,
Бутылки и черновики...
Как будто бы играя в жмурки,
Сжимали воздух две руки.

Торжествовала зоркость сыска,
Включились в перечень её
Петля, предсмертная записка,
Нагрудный крестик и бельё.

Уборщица глотала слезы...
Чего бы позже ни прочёл,
Я не встречал мощнее прозы,
Чем полицейский протокол.

ЖЕНА ХУДОЖНИКА

Восхитившись божьим даром,
Возлюбила навсегда...
Губы с милым перегаром,
В рыжих клочьях борода!

Приняла душою пылкой,
Убирая день-деньской -
Пересуды за бутылкой
В безысходной мастерской.

Все скандалы и аборты,
Жизнь, спалённую дотла,
Женской силою упёртой,
Грустным сердцем приняла.

Внешне полная веселья,
Хоть грызет её тоска,
В муках общего похмелья
Обнимает мужика.

Но, очнувшись ночью синей
Под разбитым ночником,
К неоконченной картине
Выбегает босиком.

ВТОРАЯ

Четвёртая жена поэта
Возникла, выбежав на зов,
Из переливчатого света
Суровых северных лесов.

Она в конце десятилетий
Волной домашнего тепла
Вошла, следы смывая третьей,
Что радость жизни унесла.

О первой, что в чертогах рая
Лепечет песенку свою,
Умалчиваю... Но вторая,
Возможно, даже не в раю.

Воображение поэтов
Будившая в былые дни,
Почившая среди изветов,
Лежит в кладбищенской тени.

Забвенья сыплющейся дюной
Накрыты память и молва,
Но долговечен облик юный,
Воспламеняющий слова.

ПРУСТ

От будущего отстраниться
И, лишь прошедшее любя,
Писать страницу за страницей,
Словить и вывернуть себя.

Теченьем речи убаюкав,
Из рук не упуская нить,
Отгородить себя от звуков,
Темницу наглухо обшить.

И только в памятную дату,
Не признавая возраст свой,
Неслышно биться в эту вату
Кудрявой в детстве головой.

ГАМСУН

Хотели все, чтоб умер он,
Не дожил до суда,
Но был, к несчастью, и силен
И ясен, как всегда.

Не соглашался стать больным,
Стоял, угрюм и горд,
Был неуклонен, как Гольфстрим,
Извилист, как фиорд.

Изменник, тролль! – как ни зови,
Он шёл, куда вели,
Певец сжигающей любви
И ледяной земли.

И, созерцая бегство крыс,
Надменно глуховат,
Не понимал он, что завис,
Не знал, что виноват.

Ещё почтил, не отходя,
Горящего в аду,
Уже ушедшего вождя,
И – сам с собой в ладу.

Хотя в конце он изнемог,
Но быть иным не мог,
И до конца творил, как бог,
Жестоким был, как бог.

* * *

Мы простились в хибарке на склоне холма,
Весь растаял и выдохся пыл,
Стёрся облик, неделю сводивший с ума...
Вот уже даже имя забыл.

Но крутую тропинку я помню - она
Увела меня к морю, по ней,
Задыхаясь, бежал я туда, где волна
Замерцала от первых огней.

И оставили привкус невнятной тоски,
Что с годами невольно окреп,
Голубые на бешеном спуске цветки
И желтевший в траве курослеп.

* * *

Царице праздников весёлых,
Дарившей радость столько лет,
Простить ли, вспомнив об уколах,
Пронзивших сердце, или нет?

Но сочетались поневоле
Часы измен и счастья дни,
И эта судорога боли
Восторгу высшему сродни.

* * *

Годами силясь воплотиться,
Теперь уже не ищешь ты
Мертвящего сердца и лица
Осуществления мечты.

Лишиться больно той свободы,
Что и легка, и тяжела,
В цепи удерживая годы,
Тебя сжигала и вела.

О, если бы взамен успеха,
Принять его далёкий свет,
Его взывающее эхо
Из предстоящих долгих лет!

* * *

Зачем мне ехать по твоим ущельям?
Ведь я и здесь в пожизненном плену,
И вышел срок безудержным весельям,
Случайным приключениям и вину.

Но молодость неизъяснимым зовом
Затянет вновь в тумане прошлых лет,
К твоим озёрам нежно-бирюзовым,
К бурлящим безднам, затаившим свет.

Вот и кишлак, где к гончару в науку
Хотел пойти, где жизнь ещё жива.
Без этой школы время сушит руку
И прахом рассыпаются слова.

Дадут за чаем вязкой, словно глина,
От уразы оставшейся халвы.
Потом холмами кончится долина,
Потом холмы и вновь - холмы, холмы...

ДОЖДЬ

Потерялись хребты в одноцветном дожде.
Беспрестанный, сплошной, проливной,
Брат мой, дождь, ты сегодня со мною везде
И встаёшь на дороге стеной!

Снова я бормотанье твоё узнаю
И ловлю и глотаю струю,
Одинокую мощную песню твою
Молчаливо с тобою пою.

Вспыхнешь, может быть, радугой, вдаль уходя,
Но сейчас ничего мы не ждём.
Впереди лишь текучая вечность дождя,
Ничего позади за дождём.

* * *

Пляска танцовщицы юной
В холод бросает и в жар,
Словно бы рокот бурунный
Тысячелетних чинар.

- Средняя Азия, слушай!
Этот пустившийся в пляс
Ветер предгорий пастуший
В сердце ещё не угас.

Веющий смертью, быть может,
В песне нездешних высот,
Ветер твой вечно тревожит
И по дороге несёт.

Наскоро сушащий слёзы,
Встречу сулящий вдали,
Освобождая от прозы,
Мчащийся в буйной пыли.

ТРАНСИЛЬВАНСКОЕ

В особняке боярско-профессорском
Стучат часы, как много лет назад,
И стынет время, голубиным порском
Сорвавшись с подоконников палат.

Я – поздний гость одной прекрасной дамы.
Застолье длится, важен каждый тост.
Средь домочадцев наши взгляды прямы,
И выбор блюд изыскан и непрост.

Потом, любезен, малость опечален,
Её супруг по лесенке крутой
В одну из голубых опочивален
Ведёт меня с внезапной теплотой.

Вот, оглядев тома библиотеки,
Служившей стольким в прошлые века,
На пышном ложе я смежаю веки,
И молодость не слишком далека.

И призраки святых князей и дракул,
Казнь принимавших в нимбе золотом,
Иль в бешенстве сажавших турок на кол,
Зовут к ответу, заполняя дом.

* * *

Что там пылит, журча, лепечет,
Сквозь годы мчится напролёт
И жизни прожитой перечит,
И на обочине цветёт?

В Узген через Страну Арбузов
Поедем сызнава чуть свет.
Грузовика открытый кузов –
Мне лучше в мире места нет.

Уже холмов Джалал-Абада
В одно сливаются тела,
Как будто ящера громада
На поле длинном прилегла.

Теперь пойдем от школы к дому,
Но чуть помедлим у двора,
Перетекающего в дрёму
И снящегося до утра.

Стена тяньшаньского отрога
Зажглась дугою в полкольца,
И – повторяется дорога,
И возвращенью нет конца.

НОСТАЛЬГИЯ

Там, где холмы и увалы
Тянутся, горы продлив,
Глины твой бледно-алой
Снова увидеть опływ.

Снова в кипящие реки
С острым блаженством в кости,
Даже прощаясь навеки,
Словно впервые, войти.

Разве с душой не едина
Их ледяная вода
И не становится глина
Плотью твоей навсегда!

НЕФТЬ

Горю, и дорога светла...
Иннокентий Анненский

Куст купины неопалимой
С глухой окраины Баку
Вдруг озарил, душой хранимый,
Всё, что случилось на веку.

Вблизи жилищного массива
От нефти делалось светло.
Как древний шёлк она красива,
Сильна, как мировое зло.

То золотом, то фиолетом,
Как набежавшая сирень,
Переливающимся цветом
Погасший провожала день...

Не с ней ли связан жизнью всею,
В своей пустыне столько лет
Несу, подобно Моисею,
Её сжигающий завет!

ЛИТВА

Снится край за жёлтой рожью,
За небесно-синим льном,
Верный втайне многобожью
В наваждении лесном.

То во мгле, куда заедем,
Волчи явятся глаза,
То окажется медведем
Окрещённый у ксендза.

И всегда прохладно лето
И медлительны слова...
Ну, к чему сдалась мне эта
Стародавняя Литва?

Потому ли, что когда-то
Ехал от корчмы к корчме
Дальний предок до заката
И терялся в этой тьме?

Оттого ль, что в недрах веры,
Непостижен и нелеп,
Шевелится сумрак серый
Прежних жизней и судеб?

РЫБНАЯ ЛАВКА

О, прибалтийский длинный рынок,
Пропахший рыбной трухой!
Свершился влаги поединок
С рыбацкой цепкостью сухой.

И вот в глазах рябит от килек,
И, сам рыбак, не пустослов,
Уже латышский здешний лирик
Воспел верлибрами улов.

А там и угри, и миноги,
Макрели прерванный полёт,
И спрутов руки или ноги,
В крутой закованные лёд.

Вот шпроты, праздников отрада,
В застоя дружные года,
Кальмар, из отделенья ада
Внесённый розовым сюда.

Из атлантической клоаки
В сетях железных вознеслось
Сиянье сельди и салаки,
Их жизней, взятых не поврозь.

Уже не Снайдерса фантазмы,
Фламандских масел пламена,
А только судороги плазмы,
Безмолвный крик морского дна.

* * *

От пращуров сберёг поныне
Долготерпенье и полынь,
От предков злость степной рабыни,
От праотцев тоску пустынь.

От деда хмурое упорство
И с властью вечную вражду,
А от другого прожектёрство,
Бесцельных странствий череду.

Ещё пришли в одной охапке
И вот сцепились до конца
Безумье гневное от бабки
И разум грустный от отца.

Шальной от ветра прибылого
Ракиты придорожный куст
И не истёршееся слово
Из материнских строгих уст.

* * *

Наставник многотерпеливый,
Через ночные облака
Души приливы и отливы
Ты разглядишь издалека.

И, если смерть, царя бесчинно,
Уносит от забот и ссор,
Она – ничтожная причина,
Чтобы прервался разговор.

Бессонной ночью в кущах сада,
Среди созвездий и планет,
Мы так близки, что слов не надо,
Их заменяет ясный свет.

Теперь тревоги наши схожи,
Столь неуместна болтовня...
Лишь сострадательней, не строже,
Оттуда смотришь на меня.

Не зря, служа волнам напева,
Ты на лице своём пронёс
Огонь подавленного гнева,
Или рыдание без слёз.

НИЩЕМУ

Бывалая одежонка,
Замызганное пальто...
Взывающий зло и звонко,
Идущий за мной, ты кто?

С тоскливым и наглым взглядом,
Мольбы и упрека смесь,
О, совесть моя, ты рядом,
Докука моя, ты здесь!

Без ужина и ночлега,
Без памяти и стыда,
Бродячее alter ego,
Откуда ты и куда?

Но как, распротившись с бытом,
Ввязавшись в сплошную дичь,
Стать можно таким немьтым,
Свободы такой достичь?

И, если ты житель рая,
Спустившийся в бред земли,
Дай ближних сберечь, сгорая,
И дальним тепло пошли!

* * *

Моё конецарство, страна конеборства,
Страна верхоконного злого упорства
Во все времена.
И девочка хлещет наездников плетью
И страстно несётся к иному столетью...
Моя ли страна?

Ведь в северном городе бронзовы кони.
Недаром на Юге от этой погони
Укрылась семья.
И тусклое небо далёко, далёко,
И гулкотабунные степи Востока –
Отчизна моя.

Мне скачки в младенческой снились истоме,
Я видел, как мальчика на ипподроме
Сажают в седло,
И трогает сердце родимая грива,
И сдвинулось время, и вихрем порыва
Лицо обмело.

КАПА

С тайной мыслью о злом древоколе
Там орешины горных щелей,
Может быть, содрогаясь от боли,
Гонят свой перламутровый клей.

Топором или барсовой лапой
Мимоходом пораненный ствол
Защищается радужной капой,
Красотою недужной зацвёл.

Эти радуги – все от недуга.
Купят в Лондоне ценный наплыв,
Все оттенки небесного луга
В изощреньях своих применив.

Так случается с диким орехом,
Так забвенья струится раствор
Из души, переполненной эхом
Голосов и серебряных гор.

АВТОБУС

Вся в николаевских полтинах,
Текла, когда автобус вёз,
И трепетала в кольцах длинных
Живая россыпь чёрных кос.

От прядей, вымытых айраном,
В пути спирало дух, пьяня.
Карга с мешком, старик с бараном
Сурово стиснули меня.

Не кончатся поездки эти,
Ведь сердце в тот далёкий год
Сдавили женщины и дети,
Весь поглотил меня народ.

Сквозь времена и разговоры
В непрекращающемся сне
Всё еду, еду, еду в горы,
Взбираясь к новой крутизне.

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

Печатаю эти мои личные тезисы...

В.И. Ленин

Кудрявый Бальмонт, Клюев лысый,
Ахматовой суровый взор
И в снежном вихре Блок с актрисой
Несущийся во весь опор.

О, ветер вьюжный, нежный, сладкий!
Но резко брошен поперёк
Из гимназической тетрадки
Небрежно вырванный листок.

И эти режущие строки
Апрельского факсимиле
Выносят приговор жестокий
Промчавшимся навеселе.

Давно уж выцвели чернила...
А в чёрный утекло пролом
Всё то, что время осенило
Своим серебряным крылом.

* * *

Всегда любил я Николая.
И вот летит через снега
Оленья тройка удалая,
Вметая гордые рога.

Войдет святой с неожиданным даром...
Тут шевельнется и туман,
Который осенён Уаром,
Заступником нехристиан.

Пора, однако, ставить свечи.
Поедем в отдалённый храм,
Где так печален лик Предтечи,
Но грусть светла по вечерам.

И улыбнёшься ты, пожалуй,
Приметив свет, объятый тьмой
Признательности запоздалой
И благодарности немой.

* * *

Быть русским – радость и удача.
По-русски жить, в России быть,
Твердить с восторгом, чуть не плача,
Слова «бобыль», «баклага», «бить».

Да, жить и жить, влюбляясь в слово,
Смотреть, как сероглазый Даль,
В животворящую всё снова
Его немислимую даль!

А те, дряхлея, дремлют в гнёздах,
Но сонно ждут, когда, свежа,
Возьмёт и выбросит на воздух
Волна войны и мятежа.

Кто с жизнью их ещё намерен
Бывал всех более знаком,
«Ich sterbe” молвил в миг последний,
Как бы прощаясь с языком.

ШЕЛКОПРЯДУ

Давно признал я, шелкопряд,
С тобой родство и сходство.
Пора заснуть, мой младший брат,
Изведавший сиротство!

Пора тянуть густую нить,
Жить грёзами цветными.
Придёт и время воспарить,
Но станем мы иными.

Вот энтелехия твоя,
Всплеснувшая крылами,
Вот легкая душа моя,
Летающая на пламя!

* * *

Твой образ ледяной и отзвук твой хрустальный
Летят над темнотой убогих деревень,
Где в стылой тишине похмельной и печальной
Так душен зимний сон, и просыпаться лень.

Но вспыхнуло окно и хлопнула калитка,
Собака тьякнула, заблеяла овца,
Избавлено ведро от ледяного слитка,
Освобождён багор, сметают снег с крыльца.

И вот уж побежал в студёном поле лыжник,
И видит в этот миг, как небосклон зажгли,
Как перья уронив в урочищах неближних,
Жар-птица понеслась, и брызжут хрустали.

СЫКТЫВКАРКА

Лесоповал в таёжной Коми,
Рулады воющей пилы.
В тяжёлом скрежете и громе
Всё время рушатся стволы.

Они могучи и корявы,
И содрогается земля.
Отходят к фабрикам составы,
Всё прибывают штабеля.

И снова лес, полярной сагой
Гудевший у студёных рек,
Проварят, сделают бумагой.
Но как её недолог век!

И с блеклой, рыхлой после варки,
Легко желтеющей от слёз
Бумаги этой, сыктывкарки,
Давно осыпался донос.

СТАРАЯ ЛЮБОВЬ

Отступили боль и злоба,
Из густых потёмок вновь,
Августейшая особа,
Вышла старая любовь.

- Здравствуй, юности царица!
Нежность зыбкого лица,
Расцветая, золотится.
Этой власти нет конца.

Вихри снова пролетели
С опадающей листвой,
Выступает из метели
Неизменный облик твой.

И взаимности не надо,
На тебя я лишь взгляну.
Потерпи, моя отрада,
Поживи ещё в плену!

* * *

Хорошо в лесу завьюженном –
Много вспомнишь зим и лиц!
Нежным кажется он кружевом
Вологодских мастериц.

Иль узорчатой китайскою
Вырезкой из пустоты,
Иль некой рощей райскою,
Где меня дождёшься ты.

РУКИ

Её лицо чуть брезжит в звуке
И тает в дымке седины,
И только сложенные руки
Ещё отчётливо видны.

Они тебя когда-то мыли
И гладили по голове,
Обед варили, что-то шили,
И вот застыли в синеве.

Душой становишься, как дети,
Когда во сне увидишь мать,
И пальцы скрюченные эти
Спешишь скорей поцеловать.

* * *

Мыл он часто посуду,
Одержимый водой,
Приносящей остуду,
Этот снайпер седой.

Под водой леденящей
Долго руки держал,
Ветеран настоящий,
Что в окопах лежал.

От себя ведь не скроешь,
Не упрячешь вины,
И ничем не отмоешь
Злую мерзость войны.

СТАРУХА

Жить трудно в левантийском ритме
От Белоруссии вдали.
В меня вглядевшись, говорит мне,
Как бы стесняясь: «Нас пожгли!»

Совсем седа, но бледность кожи,
Недоуменный детский взгляд,
Что дочери она моложе,
Что остановлен день, твердят.

Ведь это небо с чёрным дымом
И детство, всё невдалеке.
Слежу за взглядом нелюдимым,
Целую цифры на руке.

* * *

На стольких снимках, так убоги,
Живут, рассудку вопреки,
Твои разбитые дороги,
Твои смурные дураки.

О, шахматы из ржавых гаек
И вывесок бредовых вздор!
И усмехается прозаик
Удобствам коммунальных нор.

Но и медведь, застрявший в бане,
И в экскаваторном ковше
И в черной проруби купанье
Мне почему-то по душе.

Как я люблю твою нелепость,
Спасённых зайцев на плоту,
Сквозь боль похмелья и свирепость
Струящуюся доброту!

* * *

Там утром серо всё и сыро,
Дождь моросит, и оттого
Так на душе осенне-сиро...
Куда укрыться от него?

Но глянь: открылся кафетерий,
И кофе с рюмкой коньяка
Согреют пасынка империй,
Пришедшего издалека.

Ну, что ж, расслабься, ты в Европе,
Оборонившей свой уют,
Отдавшей пыл своих утопий
Стране, где время вьюги вьют.

Где на морозе пайку грызли
В надежде, что срока скостят,
И выросший из вашей мысли
Сооружали город-сад.

КРАСОТА ЕЛЕНЫ

Вот щебнем стали крепостные стены,
Но сохранил прапамять кипарис.
Всё шелестит о красоте Елены.
Всех заразил безумием Парис.

Здесь Эроса томительное жало
Весь гибнущий пронзала Илион,
И городу она принадлежала,
Который был и проклят, и влюблён.

К ней устремлялись боги и герои,
Ведь без неё и жить не вмоготу,
И старики в уже горящей Трое
Елены прославляли красоту.

МИФЫ

Всегда в каком-нибудь из мифов
Я находить себя привык.
Дала судьба мне труд Сизифов,
Несносный Марсиев язык.

Узнал я в молодости жадной
Медеи мстительную страсть,
Расстался с милой Ариадной,
Чтобы в когтях сирен пропасть.

Меня пленяло граций трио,
Я поднимал за них фиал.
Служил Эрато или Клио,
Но той и этой изменял.

Приязнью их и злостью острой
Осенены мои года.
Они ревнивы, эти сёстры,
И смертоносна их вражда.

Снискал я мирты, или лавры,
Но раздаётся плеск наяд
И ходят вокруг меня кентавры.
И вестники небес парят.

Как Иксион в гордыне дикой,
Бывал я едкой мглой повит,
И вот иду за Эвридикой,
Будя напевами Аид.

В ЭПИЛОГЕ

Под луной и солнцем в птичьей гаме,
Сквозь туман, где волки рядом выли,
Ехали лесами и лугами
Нибелунги на поклон к Атилле.

В это царство не было дороги,
Шли дожди, расплёскивались лужи,
И Кримхильда в сумрачной тревоге
Думала об этом новом муже.

Вспоминала Зигфрида угрюмо:
«Дух его в каких небесных высях?»
Наконец из лиственного шума
Вышли гунны в рыжих шапках лисьих.

Жемчугов ей подносили зёрна,
Догорал в пустой валгалле Один,
Стройный стан и взор её озёрный
Постигал Атиллу, Бич Господень.

НЕПРОЧТЁННЫЕ СУТРЫ

Откинув будней мусор мелкий,
Припомнишь вдруг тибетский храм,
Бормочущие посиделки
Оранжевых, обритух лам.

И нерушимо в мире мнимом,
В нагорной мировой ночи
Книгохранилище за дымом
Спалённой жизни и арчи.

Пред идолом, смежившим веки,
Строй невостребованных сутр
Застыл навек в библиотеке,
Одетый в зыбкий перламутр.

Им всем высокая ненужность
И тайна скрытой глубины,
И эта нежная жемчужность,
И ожидание даны.

* * *

Как я люблю цветные переливы
Твоей жары жестокой и сухой,
И плеск воды, в безлюдье говорливой,
И эту пыль, и жгучий воздух твой!

Я воду пью и воздух твой глотаю,
И взглядом, как во власти волшебства,
Я снова птичью провожаю стаю,
Когда, желтея, падает листва.

В конце концов ведь я от всех свободен.
И от всего... Но, нет, не от тебя!
... И вновь они, не выбирая родин,
Летят к тебе, курлыча и трубя.

ДРИАДА

В той зелени я встретил взор дриады,
Какой-то стих читая нараспев.
Её лицо скривилось от досады
И вдруг смягчилось, малость просветлев.

Я видел облик в недрах малахита
И трепетал, и удивлялся сну.
Меж тем виденье, из мечтаний свито,
Перепорхнуло дальше в глубину.

Ещё бы миг, и удержал дриаду!
Но улыбнулась и ушла в кору...
И всё иду по дремлющему саду.
Теперь в твоих объятиях умру.

* * *

Как море падает на камни
И тотчас прочь бежит от них,
Бывала изредка близка мне,
И плеска ропот не утих.

Потом недуг, потом больница,
Протекших лет водораздел,
И вот приехала проститься...
Как будто берег обмелел.

Что это – всё, мы знали оба,
Здесь одного хотелось ей –
Оставить не виденье гроба,
А память редких, бурных дней.

Всё вновь склоняюсь сиротливо
Над тем, что не вернётся вспять,
Как будто море в час отлива
Молю меня не забывать.

* * *

Ну, быстроглазая змейка
Возле дряхлеющих змей,
Ты из какого римейка
Прожитой жизни моей?

Знаю я вашу породу,
Столько отравленных дней
Я отдавал ей свободу
И трепетал перед ней.

Ты встрепенёшься, едва лишь
Эту почувствуешь дрожь.
Если коснусь, ты ужалишь,
Приволокнусь - оплетёшь.

Но лишь тоску и досаду
Я вызываю у змей –
Сердце приучено к яду
Той, что красивей и злей.

* * *

Подслеповаты внучки Лии –
Поди, наследственность осиль!
А те, напомнив дни былые,
Все милovidны, как Рахиль.

Биндюжники пошли в Самсона,
А эта, выросшая вкривь,
Свирепа, как во время оно,
Её прабабушка Юдифь.

Но, если в доме есть Иаков,
То осеняет седина
Сухую горстку горьких злаков,
Бокал пасхального вина.

И всё, что с детства столь знакомо,
И рыбной пищи пряный вкус,
Идущий ночью мимо дома,
Быть может, вспомнит Иисус.

* * *

Бессмертья нет для Гильгамеша,
Но боги вымерли, а он
Дошел, как свежая депеша
Из остановленных времён.

Его российский переводчик
Вчера расстрелян был в ЧК,
И горечь клинописных строчек
Пронзила общие века.

Божки из глины – Бел и Шемеш,
Но вечны происки Иштар,
И ты судьбой осовременишь,
Тот мир, что и не столь уж стар.

На Колыме и в Вавилоне
Не кончишь земляных работ
И тыльной стороной ладони
С лица стираешь смертный пот.

ГОЛОСА

Уже давно живёшь не с нами,
Лишь иногда взрываешь тишь,
Звенишь своими голосами,
По телефону говоришь.

И осуждающе надменен
Обычный голос, а другой
В своей тревоге безвременен,
Овеян жизнью и пургой.

Такой он жалобный и шаткий,
Дрожащий, детский, словно ты
Проснулась и кричишь в кровати,
Перепугавшись темноты.

* * *

Как поезду дочка махала,
На мостике стоя над ним,
И вихрей прошлось опахало
По всем злоключеньям моим.

О, знать бы, что поезд пропашет
Такое же множество лет,
И внучка рукою помашет,
И тот же услышит ответ!

Пройдя до иных порубежий,
Он будет суров и глубок –
Всё прошлое жизни проезжей
В протяжный вместится гудок.

* * *

К невидимой цели стремиться привык,
Её и не зная,
И там, где пришлось пролететь напрямик,
Есть рана сквозная.

И столькие судьбы успел ты прожечь,
Мерещатся лица...
Неужто за эту летучую речь
Мученье простится?

А ты ускользаешь, уходишь из рук,
От прозы и плоти,
И дальше несёшь нарастающий звук
Почти на излёте.

Ещё воцарится суровая тишь,
И сроки приспели,
Но ты неподсуден, покуда летишь
К невидимой цели.

ДУША

«Прости меня!» сказать пора бы,
Но велика моя вина,
И знают персы и арабы:
Не будет у геенны дна.

Отговорюсь каким хадисом
И чьим сочувствием спасусь?
Бежать бы к шорцам, к черемисам,
В полуязыческую Русь!

И, если приговор условен,
Всё ж больше, чем пред всеми, я
И без прощенья виновен
Перед тобой, душа моя!

А ты, не ведая о гневе,
Презрев пристанище твоё,
С улыбкой, как дитя во чреве,
Глядишься в инобытие.

* * *

Я снимком дорожу семейным, довоенным,
Гляжу, что на столе и что висит по стенам.
Лампадный огонёк. На карте чернота
Германии, в тот год прильнувшей к нам, густа.
Родителей моих и брата-пионера
Здесь время стережёт, оно желто и серо.
И всё же ясность есть – блокада недалёко.
Труднее с бабкою, ровесницею Блока.
Её предание не столь уж и старо,
Но всё же были там хлеб ситный и ситро.
Хоть кажутся теперь полузабытой сказкой
Быт с думой городской, с бараниной черкасской,
С девятым января, с вольнолюбивым мартом
И с буйной конницей, промчавшейся по картам.
И, незамеченным, как шествие теней,
По тем же улицам тянулся перед ней
Весь век Серебряный, по радостным долинам
Бредущий с тирсами навстречу тамбуринам,
Чтобы прикуривать от искорки печной
В тифозном тамбуре и видеть мрак ночной.

* * *

И жизнь тяжёлая и умираешь тяжко.
Мой уходящий брат, я слушаю твой бред.
Так этот лоб горяч и вымокла рубашка.
Стираю смертный пот... Конечно, Бога нет.

Но Он, невидимый, - в объятии моём,
И в том, что ничего не стоят все улады,
И в дуновении, и в том, что мы вдвоём,
И в тени ангела, что медлил в дни блокады.

НА ФОРУМЕ

На римском форуме земля черным-черна.
Как рвался я сюда, мечтательный подросток,
И жизни прожитой умчались времена,
И вот он, Вечный Град, столетий перекрёсток!
Но всё в земле сырой, во тьме бугров и ям.
Копни – коль повезёт, найдешь обломки статуй!
А был и справедлив, и доблестен, и прям,
Но мало правоты жестоко-жестковатой.
Не готский меч, не стрел персидских острия,
Лишь сумрак из пещер Кумрана и Кармила
На смерть его обрек, и жалости струя
Разъела мраморы и бронзу надломила.

ИЕРОГЛИФЫ

Смотри, как иероглифы снуют
Всё суетливей и неугомонней,
Как, учредив порядок и уют,
Встречаются для чайных церемоний!
Вступают в связи, строятся в столбцы,
Торгуют и затягивают в лавки...
Дух мудрости и древней хитрецы
Всех вразумит, не допуская давки.
Как этот муравейник мельтешит
И множится, и затевает ссору,
Убогий презирая алфавит,
И заселяет мир по уговору!

ОМАР ХАЙЯМ

- С кем шутишь ты, кого с усмешкой молишь,
Четвёртый выговаривая стих?
Омар Хайям! Одиннадцать всего лишь
Четверостиший подлинных твоих!

Что ж остальное? Подражая, споря,
Пронзив тысячелетие насквозь,
Как вещей ропот мыслящего моря,
Из устной речи в рукопись влилось.

Шло отовсюду с грустью сладкогласой,
И в общей чаше, стёртой по краям,
Несло неверье покорённой расы
И силу веры. Это был Хайям.

ТАДЖИЧКЕ

Когда звучали крик и стук
Пришедших книги жечь,
Девчонку прятали в сундук,
Храня от лишних встреч.

Покуда книги жгли дотла,
Ты, сидя в сундуке,
Жизнь через дырочку пила...
Но это вдалеке.

И ты со мною говоришь,
Но чудятся в словах
От шума сжавшаяся тишь
И детства жгучий страх.

И неоплатен каждый миг
Той темноты немой,
И пепел этих светских книг
Влетает в сумрак мой.

ЦАРЬ СУЛЕЙМАН

Я поверну кольцо, и джинны
Взовьются в небо все подряд,
Покинув тесные кувшины,
И отовсюду прилетят.

И снова в дальние пустыни,
В мелькающие города,
К любимым, памятным доньне,
Я отошлю их, как всегда.

Пусть, овладев чужими снами,
Сюда на несколько минут,
Покорны перстню с письменами,
Моих невольниц приведут.

Моим веленьям внемлют немо
Первонасельники Земли,
А вот и душу из эдема
На зыбких крыльях принесли.

* * *

В потёмках душных караван-сарая,
Как будто бы в аду, или в раю,
Рассказывал бродяга, умирая,
Случайному соседу жизнь свою.

Нет встреч случайных, есть судьбы причуды!
Теперь обязан слушатель нести
Завет Христа или ученье Будды,
Иль только мысль, возникшую в пути.

В каком ещё мне ночевать отеле?
Чьим попеченьем взыскан и храним?
Всё говорю с неведомым доселе,
Невидимым читателем моим.

* * *

В конце концов лишь ветер я любил.
Предутренный, лепечущий, чуть сонный
И вдруг деревьям отдающий пыл,
Загрохотавший бурю зелёной.

К тебе плывущий с облачной гурьбой,
Повелевая призрачную гущей,
Томящийся, бегущий за тобой,
За плечи обнимающий, влекущий.

Ликующий, летящий по стране,
Тревожно пробирающийся в чаще,
Зовущий в путь... И ненавистно мне
Безветрие теснины предстоящей.

ЧЕРНИКА ЧЕРЧИЛЛЯ

Любого летчика империи великой
На трапе, если ночь темна,
Снабжали наскоро пакетиком с черникой
И заостряла зрение она.

Бомбометание – жестокая наука,
Пусть роятся лучи в небесной глубине,
Прости, Лили Марлен, выходит смерть из люка!
Кёльн, Эссен, Дюссельдорф – Германия – в огне!

Нет, остров англичан, прославленный по праву,
Не покоряется, хоть плачь,
Спротивляется, трясущийся от «Fau»,
Не слышит ваших передач,

Не хочет нипочём отравленного пойла
И милости от мирового зла,
И собранная впрок в болотах Конан-Дойла
Черника Черчилля кисла.

* * *

В пустынном доме ты поёшь,
И долго голос одинокий,
Не столь уж внятен и хорош,
Витает на твоём Востоке.

Потом на Север повернёт
И воспарит в порывах веры,
Но вдруг стихает, сбитый влёт,
В глухие падает пещеры.

Над полем в юности летел,
Да так, что небо грохотало.
Теперь притих и запустел,
Лишь о своём грустит устало.

Звучит, неслышный никому,
И отдыхает, умолкая,
И отзывается ему
Судьба какая-никакая.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Встреча
2. «Лежу в траве...»
3. Киргизская охота
4. Топрак-Кале – Крепость Праха
5. Сон шелкопряда
6. Кочевник
7. Вода
8. Еврейка
9. Собака
10. Рикша
11. Лермонтов
12. Памяти родителей
13. Анна Кукушкина
14. Отель «Бристоль»
15. Беженцы
16. Толстой
17. Восточная Москва
18. Мыс Хамелеон
19. Швея
20. Семиречье
21. Лавка
22. Во Франции
23. Просвет
24. Шухрат
25. Ваганьковское армянское кладбище
26. Джума Масджид
27. «Холодное царство Плутона...»
28. Самсон
29. Музыка
30. Зеркало
31. «Слишком четко мирозданье черствое...»
32. В Делийской мечети
33. «Радостным обезьянам...»
34. «Думая о воплощеньи...»
35. Скорпион
36. «Когда душа единственная в мире...»
37. Деревенская проза
38. Клюев

39. Радоница
40. Елена
41. Дрезден
42. Тюркский мир
43. Спор
44. Ур
45. «Этот привкус ее сладковатый...»
46. Сон
47. Флора
48. Арык
49. Монголия
50. Первая любовь
51. «Пройду по улице твоей...»
52. Чукотка
53. Архоти
54. Олег
55. Музы
56. «Эти сгустки урана и платины граммы...»
57. Импрессионизм
58. Ласточки
59. «Поплыть ли наконец по свету...»
60. Нике Самофракийская
61. Античный театр
62. Помпея
63. «На светловолосой- наряд голубой...»
64. «Любовью легкой и нетленной...»
65. Река
66. «День и ночь корабль качала...»
67. «Когда очнёшься, больше не внимая...»
68. Караганда
69. Уроки немецкого
70. Стрела
71. Подвеска
72. Гоби
73. «Из Дамаска в туманное Осло...»
74. Проза
75. Жена художника
76. Вторая
77. Пруст
78. Гамсун
79. «Мы простились в хибарке на склоне холма...»

80. «Царице праздников веселых...»
81. «Годами силясь воплотиться...»
82. «Зачем мне ехать по твоим ущельям...»
83. Дождь
84. «Пляска танцовщицы юной...»
85. Трансильванское
86. «Что там пылит, журча, лепечет...»
87. Ностальгия
88. Нефть
89. Литва
90. Рыбная лавка
91. Русланова
92. «От пращуров сберёг поныне...»
93. «Наставник многотерпеливый...»
94. Нищему
95. «Моё конецарство, страна конеборства...»
96. Капа
97. Автобус
98. Серебряный век
99. «Всегда любил я Николая...»
100. «Быть русским – радость и удача...»
101. Шелкопряду
102. «Твой образ ледяной и отзвук твой хрустальный...»
103. Сыктывкарка
104. Старая любовь
105. «Хорошо в лесу завьюженном...»
106. Руки
107. «Мыл он часто посуду...»
108. Старуха
109. «На стольких снимках, так убоги...»
110. «Там утром серо всё и сыро...»
111. Красота Елены
112. Мифы
113. В эпилоге
114. Непрочтённые сутры
115. «Как я люблю цветные переливы...»
116. Дриада
117. «Как море падает на камни...»
118. «Ну, быстроглазая змейка...»
119. «Подслеповаты внучки Ли...»
120. «Бессмертья нет для Гильгамеша...»

121. Голоса
122. «Как поезду дочка махала...»
123. «К невидимой цели стремиться привык...»
124. Душа
125. «Я снимком дорожу семейным, довоенным...»
126. «И жизнь тяжёлая и умираешь тяжко...»
127. На форуме
128. Иероглифы
129. Омар Хайям
130. Таджичке
131. Царь Сулейман
132. «В потёмках душных караван-сарая...»
133. «В конце концов лишь ветер я любил...»
134. Черника Черчилля
135. «В пустынном доме ты поёшь...»

**Вы хотите получить 20 Ваших
книг в подарок?**

Издайте свою книгу у нас, и она будет
продаваться по всему миру!

Всего за **\$649*** Ваша мечта будет
исполнена нами.

ISBN номер и номер регистрации в
библиотеке Конгресса США будут
получены по вашему требованию.

Подробности по телефону:

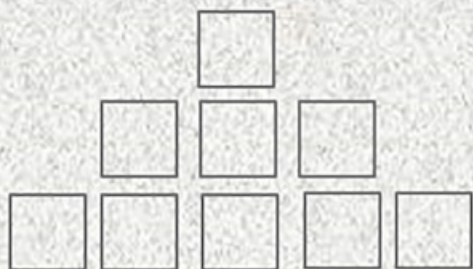
1-312-985-7638

Email: service.poezia.us@gmail.com

Мы вне конкуренции!

**Цена пакета временная! Обычная цена \$699.*

**POEZIA.US. 2495 Emerald In.,
Lindenhurst, IL 60089, USA**

СЕРИЯ «135 СТИХОТВОРЕНИЙ»